

Повторный экз.
к шифру 18.97.3.127
12р.

Б. 1
1131

О
НРАВСТВЕННОМЪ
ВОСПИТАНІИ
ДѢТЕЙ.

Взято изъ Нравственныхъ Наставленій покойнаго Г. Геллерта.

ПЕРЕВОДЪ съ ФРАНЦУЗСКАГО.

МОСКВА.

въ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія, 1787.

Гос.
Публичная
Библиотека

О
НРАВСТВЕННОМЪ
ВОСПИТАНІИ
ДѢТЕЙ.

О воспитаніи, которое должно давать дѣтямъ, и притомъ которое прилично давать имъ въ первыхъ ихъ лѣтахъ.

Разсматривая должности *воспитанія* во всемъ ихъ пространствѣ, относительно ко всѣмъ попеченіямъ и трудамъ, требуемымъ со стороны отцовъ и матерей, и ко всѣмъ встрѣчающимся препятствіямъ и неудобствамъ; разбирая потребное благоразуміе и знаніе, касательно до времени, сколько оныя должны быть продолжаемы, также до издержекъ чрезъ то причиняемыхъ: кажется, что оно есть самая труднѣйшая для человѣка должность. Однако любовь, соединяющая отца и мать, услаждаетъ для нихъ сіи должности, заставляя ихъ раздѣлять оныя между собою. Они къ щому по-

буждаемы бывают сладчайшею склонностію и слабым состояніем своих детей, кои суть любезнейшая часть их самих, и которых по тому не могут они оставить без вспомоществованія. Часто благодарность сих, и радость, видеть их мало помалу приближающихся к тому концу, к которому они их привести хотят, бывает для них драгоценнейшею наградою; они усматривают столько неприятных следствій, произходящих от нераденія родителей о соделаніи благополучія своих детей, и напротив находят столько выгод для государства и общества в исполненіи своих должностей в разсужденіи воспитанія, что можно оныя должности называть самыми естественными и священными, самыми труднейшими и в тож время сладчайшими. Всего прискорбнее то, что оне часто бывают отправляемы с худым успехом, и что не всегда бывает можно предупредить и отвратить пагубу и бедствія, детьми на себя навлекаемыя. Но сколь ни ужасно и ни прискорбно сіе печальное следствіе, по крайней мере то немало утешает, что верно сохранили свою должность. Напротив же того будет сугубое огорченіе, когда должно будет на себя негодовать, что не все употребляли сред-

средства къ отвращенію сего зла; или употребляли, но только съ нерадѣніемъ.

Воспитывать дѣтей есть образовать ихъ разумъ, сердце и естественныя душевныя и тѣлесныя расположенія такъ, чтобъ они могли быть щастливы, содѣйствуя благополучію другихъ, и притти въ состояніе исполнять великія намѣренія своего опредѣленія. Воспитывать дѣтей есть стараться заблаговременно влить въ нихъ познаніе Бога, самихъ себя, свѣта, людей, а паче Религіи, такъ чтобъ они согласно съ симъ познаніемъ располагали своими поступками; есть съ самаго малолѣтства образовать ихъ къ согласію, любви и исполненію должностей добродѣтели. Мы посредствомъ воспитанія переливаемъ, такъ сказать, познанія нашего ума, понятія Религіи, наставленіе опыта и изящныя расположенія нашего сердца въ душу юныхъ дѣтей. Способъ, для сего употребляемый, безъ сомнѣнія весьма много важитъ; но избраніе такого лучшаго способа, по которому должно поступать въ частныхъ случаяхъ, зависитъ отъ свойствъ каждаго дитяти.

Наши дѣти суть часть насъ самихъ: мы, давая имъ жизнь, сообщаемъ вмѣстѣ съ оною слабое или твердое сложеніе, и часто склонности, которыя начало свое имѣютъ въ темпераментѣ. Кто можетъ сомнѣваться, что мы обязаны наблюдать нѣкоторыя

 дол-

должности въ разсужденiи тѣхъ, которые отъ насъ со временемъ родятся, еще прежде, нежели они получатъ свое бытiе? Отцы и матери развратные, нездоровые, порочные, или слабые, не могутъ надѣяться имѣть потомковъ духомъ и тѣломъ здоровыхъ и одаренныхъ хорошими чувствованiями. И такъ сколь существенная есть должность какъ для холостыхъ, такъ и для женатыхъ, предохранять себя отъ всѣхъ золъ, могущихъ перейти въ дѣтей и заразить ихъ душу, или тѣло! Юность, проведенная въ непорочности, здравiе благоразумно сохраненное, честной союзъ двухъ взаимно другъ друга любящихъ особъ, просвѣщенной разумъ и наполненной добрыми началами, сердце свободное отъ волнующихся страстей, суть такiя качества отцевъ и матерей, на которыя ихъ дѣти имѣютъ право еще при рожденiи; и старанiе, имѣть всѣ сiи качества, есть важнѣйшее обязательство родителей. Словомъ, ихъ должности предполагаютъ должности вообще человѣка, и супруга благоразумнаго и добродѣтельнаго. Признаюсь, что отецъ добродѣтельной, но непросвѣщенной, не можетъ довольно удачно воспитать своихъ дѣтей. Но отецъ просвѣщенной, а неимѣющiй добродѣтелей, еще хуждшаго успѣха ожидать долженъ; всѣ его старанiя, уповательно, изъ дѣтей его сдѣ-

лаютъ

лаютЪ однѣ только машины, которыя будутЪ двигаемы пружинами тщеславія и корысти. БезЪ сомнѣнія; можетЪ случиться и то, что отцы и матери, одаренные разумомЪ и благочестіемЪ, отЪ чрезмѣрной любви и не зная того, не рѣдко портятЪ своихЪ дѣтей: но кЪ щастію не всегда они одни исполняютЪ должность воспитанія. Друзья, родственники, учители часто раздѣляютЪ сЪ ними сей трудЪ, или заблаговременно заступаютЪ ихЪ мѣста; и не рѣдко случается, что сынЪ порочнаго отца, и дочь распутной и глупой матери, поручены бываютЪ просвѣщенному и добродѣтельному учителю и благоразумной нянькѣ. Рѣдко бываетЪ, чтобы оба супруга имѣли худой нравЪ; но по большой части одинЪ имѣетЪ дарЪ разума, а другая добродѣтели; чрезвычайная потачка матери часто вЪ равновѣсіи имѣетЪ строгость отца. Естьли и есть такіе, которые при добрыхЪ намѣреніяхЪ не имѣютЪ способности, или недопускаемы бываютЪ своимЪ состояніемЪ и занятіемЪ вЪ своихЪ должностяхЪ воспитывать своихЪ дѣтей; таковые могутЪ отчасти препоручать сіе другимЪ. Кто имѣетЪ истинную привязанность и любовь кЪ своей фамиліи, тотЪ не пощадитЪ ни трудовЪ, ни издержекЪ, ни заботЪ для сысканія такихЪ людей, на которыхЪ бы можно было положиться вЪ раз-

сужденіи хорошаго успѣха ихъ наставленій и попеченій. Глупо поступаютъ родители, думая, что дѣтей своихъ воспитываютъ хорошо, когда препоручаютъ ихъ такому учителю, котораго они щитаютъ за перваго слугу въ своемъ домѣ; когда думаютъ наградить его довольно, давая ему за его стараніе и терпѣніе умѣренную плату, и когда, не оказывая ему довольно уваженія, дѣлаютъ его малопочтеннымъ въ глазахъ его питомцевъ. Отцы и матери, которые навѣдываются только о способностяхъ того, кому препоручаютъ дѣтей своихъ, не стараясь знать о его поведеніи и добрыхъ качествахъ его сердца, не знаютъ ни того, въ чемъ состоитъ воспитаніе, ниже того, каково естество человѣческое. Чтожъ касается до тѣхъ, которые, не имѣя ни просвѣщенія, ни хорошихъ нравовъ, вступаютъ въ должность дядьки, то таковые обижаютъ не только нѣкоторыя фамиліи, но даже и цѣлое общество (*).

Мы

(*) Доброй дядька, человѣкъ знающій, и съ качествами достойными почтенія, отъ котораго требуютъ, чтобы онъ посвятилъ наилучшія свои лѣта назиданію благополучія дитяти, долженъ быть совершенно обезпеченъ въ разсужденіи всѣхъ жизненныхъ

по-

Мы полагаемъ за основанiе добраго воспитанiя нѣкоторыя домашнiя хорошiя обстоятельства, и способность людей на то употребляемыхъ; потому что всѣ учрежденiя, въ разсужденiи сего дѣлаемыя, совсѣмъ будутъ безполезны, когда родители и учители не имѣютъ требуемыхъ качествъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему послужитъ изрядной планъ Архитектуры, естьли для произведенiя его въ дѣйство нѣтъ искуснаго Архитектора? Такимъ образомъ все сiе предположивши, не трудно опредѣлить, какiя средства и способы нужны для добраго воспита-

---

потребностей, касательно до своего состоянiя, такъ чтобы онъ могъ всего себя посвятить воспитанiю ему врученнаго, будучи уже увѣренъ, что онъ для своего содержанiя во всю свою жизнь будетъ получать честную награду, каковую получаетъ Офицеръ, вѣрно служившiй, и жившiй болѣе въ намѣренiи доставить пользу своему отечеству, нежели самому себѣ. Можетъ быть тогда такой достойной человѣкъ, которой при нынѣшнихъ въ разсужденiи сего обстоятельствахъ отрекается отъ онаго, рѣшился бы принять на себя сiю должность, требующую отмѣнныхъ дарованiй, честности, расторопности, бдѣнiя и терпѣливости.

панія. Мы покажемъ теперь самое существеннѣйшее въ разсужденіи первыхъ наставленій, которыя надлежитъ давать дѣтямъ въ первомъ ихъ возрастѣ, и попеченія, которое должно прилагать къ образованію ихъ нравовъ. Кто разсуждаетъ о концѣ воспитанія, о свойствѣ дѣтей, и кто совѣтуется съ опытомъ, пріобрѣтеннымъ въ разсужденіи сего разумными людьми; тотъ ни мало не можетъ сомнѣваться въ выборѣ наилучшихъ правилъ, по которымъ должно поступать. Частное оныхъ приспособленіе не иначе можетъ быть извѣстно, какъ

сти. Весьма бы также полезно было для воспитанія благородныхъ дѣтей, чтобы тѣ, которые до пятидесяти, или шестидесяти лѣтъ съ отличностію проходили должность учителей, или дядекъ, получали жалованье отъ Академіи за руководство и наученіе Студентовъ, которые опредѣлятъ себя къ такомужъ роду жизни, и за доставленіе имъ опытомъ своимъ пріобрѣтенныхъ въ разсужденіи сего познаній, въ коихъ они великую будутъ имѣть нужду. Такимъ образомъ составилися бы цѣлыя Семинаріи, въ которыхъ удобно можно бы было находить просвѣщенныхъ и довольно свѣдущихъ воспитаніе дядекъ.

какъ развѣ чрезъ познаніе характера дитяти, и обстоятельствъ фамиліи.

Первая должность, налагаемая рожденіемъ младенца на дающихъ ему жизнь, есть стараться о его пищѣ и здравіи. О семъ, кажется пекутся, всего болѣе, но и тутъ однакожъ во многомъ поступаютъ худо.

Родители неопустительно должны стараться обо всемъ томъ, что можетъ дѣтямъ въ первомъ ихъ возрастѣ доставить *крѣпкое и здоровое сложеніе*. Наши нравы много зависятъ отъ нашего сложенія (темпераменпа), и отъ младенчества образуются вмѣстѣ съ онымъ. Испорченная кровь, несвободное, или неправильное обращеніе соковъ и жизненныхъ духовъ, чрезвычайная чувствительность и порывчивость чувственныхъ органовъ, имѣютъ дѣйствительное и послѣдующее вліяніе въ нашу душу, и опредѣляютъ образъ ея мыслей и желаній. То, что дѣлаетъ тѣло наше оцѣпенѣлымъ, или чрезмѣрно чувствительнымъ, препятствуетъ душѣ владычествовать, а пожеланіямъ повиноваться. Въ слабомъ тѣлѣ душа производитъ свои дѣйствія съ великою неудобностію, а въ тѣлѣ больномъ бываетъ она удерживаема въ исполненіи своихъ намѣреній. Сложеніе тѣла, ослабѣвшее отъ чрезвычайной нѣжности, и которое отъ привычки

пріят-

пріятныхЪ чувствованій сдѣлалось неспособнымЪ кЪ понесенію и малѣйшихЪ противностей, нечувствительно уклоняетЪ душу вЪ разныя ложныя разсужденія о достоинствѣ и маловажности вещей, смотря по живости его желаній, или отвращеній.

Неоспоримо, что во всякихЪ случаяхЪ, естьли только болѣзнь и другія какія либо частныя обстоятельства не совершенно препятствуютЪ, самая святѣйшая должность матери есть вскармливать младенца собственнымЪ своимЪ млекомЪ. Да и разсуждая, сколько чувствованій сладости Природа предоставила для матерей, исполняющихЪ сію должность, и сколько прискорбій и болѣзней претерпѣваютЪ нерадящія обЪ ономЪ, не можно сомнѣваться о истиннѣ сего обязательства (*). Мать, удовлетворяющая оному,

(*) АвлЪ Геллій вЪ XII своей Книгѣ повѣствуетЪ нѣчто достопамятное о Философѣ Фаворинѣ. ОнЪ говоритЪ, что сей ФилософЪ услышавЪ, что супруга одного его ученика родила сына, пришелЪ кЪ нему поздравить его сЪ онымЪ. И какЪ мать родившей думала, что дочь ея не вЪ состояніи послѣ понесенныхЪ трудовЪ кормить младенца своими сосцами, то сказалЪ ей ФаворинЪ: оставьте ее, пусть она будетЪ совершенною ма-

му, кажется, не только снискиваетъ любовь своего дитяти, но еще большую получаетъ къ нему нѣжность. Она такимъ образомъ болѣе будетъ стараться о его здравіи; и чѣмъ чаще будетъ имѣть его въ своихъ глазахъ, тѣмъ удобнѣе можетъ отвращать погрѣшности его пѣстуновъ, которымъ весьма обыкновенно, чрезъ излишнее изнѣживаніе дѣлать слабыми тѣхъ, о которыхъ они обязаны имѣть попеченіе. Она, питая сама свое дитя, нѣкоторымъ образомъ вольетъ въ него вмѣстѣ съ наилучшимъ своимъ млекомъ и добродѣтельныя расположенія своего сердца. Да и не довольно ли уже доказано опытомъ, что кормилицы питомцамъ своимъ сообщаютъ свои болѣзни какъ душевныя, такъ и тѣлесныя; что онѣ иногда никакой не имѣютъ къ нимъ любви, а иногда имѣютъ только дѣтскую и слѣпую; что онѣ стараются утѣтать ихъ и къ

матерію своего сына. Ибо сколь противенъ Природѣ и несовершенъ такой родъ полуматерей, которыя только лишь родятъ младенца, какъ уже и удаляютъ его отъ себя! Oro te, mulier, ſine eam totam ac integram eſſe matrem filii ſui. Quod eſt enim hoc contra Naturam imperfectum ac dimidiatum matris genus, peperiſſe ac ſtatim a ſe abjeciſſe!

къ себѣ прилѣплять тысячею способами, служащими первымъ основанїемъ худыхъ нравовъ дитяти, которое отъ того получаетъ склонность къ упрямству, къ чувственности, жадности, и часто, можетъ быть, къ роскоши.

Удивительно, какимъ образомъ дѣти, воспитываемыя одною простою крестьянкою, бываютъ крѣпки и здоровы. Какая бы была тому причина? Безъ сомнѣнія хорошее сложенїе отца и матери, и еще простая и безъ излишняго приправливанія пища; молоко, столь здоровое для младенцовъ, къ которому ихъ приучаютъ; свѣжая вода, въ питье ими употребляемая; чистой воздухъ, на которой ихъ еще маленькихъ выносятъ и прохлаждаютъ онымъ; солнце, котораго благотворительными влїянїями доставляютъ имъ бодрость и живость: между тѣмъ, какъ въ большихъ городахъ дѣти чахнутъ отъ жара, находящагося въ запертыхъ ихъ покояхъ. Посмотрите на сего крестьянскаго мальчика, какъ онъ вырывается изъ рукъ у матери, какъ онъ вскорѣ начинаетъ ступать твердыми шагами, и какъ онъ ѣстъ кусокъ чернаго хлѣба, которой онъ разжевываетъ самъ безъ всякой другой помощи. Простой квасъ служитъ ему вмѣсто лучшаго вина, и простое молоко для него гораздо лучше миндальнаго. Въ слабомъ и безсильномъ состоянїи его младенчества не бываютъ связываемы нѣжные его члены

му-

мучительными свиваньями, и чрезъ то самое кровь его имѣетъ свободное теченіе; и однакожъ всѣ члены его тѣла не меньше прямы и тверды. Иногда на мягкой травѣ, а иногда и на твердомъ полу падаетъ онъ со всего размаху, и притомъ мало, или худо одѣтой: однакожъ вмѣсто того, чтобъ быть изувѣчену, получаетъ отъ того большую крѣпость. Попечительная и любящая дѣтей своихъ мать, какого бы высокаго состоянія ни была, касательно до перваго воспитанія младенца, желая по возможности своей, сколько позволитъ ей слабое ея сложеніе сдѣлать его крѣпкимъ и сильнымъ, должна послѣдовать похвальному примѣру поселянокъ; а отецъ съ своей стороны долженствуетъ поставлять себѣ за долгъ поощрять супругу свою къ симъ трудамъ, услаждать оные оказаніемъ ей своея нѣжности, и облегчать разумнымъ вспомоществованіемъ. Плутархъ повѣствуетъ, что *Катону* Ценсору, когда родился у него сынъ, ничего столь желательно не было, какъ по возвращеніи отъ общественныхъ дѣлъ видѣть свою супругу пѣстующую свое дитя. Сколько отцовъ въ наши времена устыдятся послѣдовать сему примѣру!

Вторая и не меньше важная *должность* даваемаго дѣтямъ воспитанія, есть стараніе *образовать ихъ разумъ съ самаго ихъ*

мла-

младенчества. Дитя скоро выходитъ изъ того оцѣпѣненія, въ которомъ душа его находится въ первые дни его рожденія. Онъ начинаетъ жить ранѣе по своимъ естественнымъ побужденіямъ, нежели по своему разуму; онъ прежде чувствуетъ, нежели мыслитъ. Онъ желанія свои изъясняетъ тѣлодвиженіями только и тонами, а не словами. Впечатлѣніе, которое дѣлаютъ въ немъ предметы его чувствъ, составляетъ весь его разумъ въ первыхъ его лѣтахъ. И такъ естьли кто желаетъ предписать, такъ сказать, *способъ сей способности чувствовать и природнымъ дѣтскимъ желаніямъ* въ обнаруживаніи такъ называемаго разума: тотъ долженъ съ великимъ вниманіемъ и со всевозможнымъ стараніемъ, но притомъ такъ, чтобъ излишнее въ разсужденіи сего не имѣло худыхъ слѣдствій, отдалять отъ нихъ всѣ предметы, дѣлающіе непріятное, или весьма сильное впечатлѣніе въ ихъ сердце; а напротивъ приближать такіе, которые могутъ возродить въ нихъ пріятныя и невинныя склонности. И какъ дѣти злыя свои наклонности получаютъ не чрезъ органы чувствъ, но, по многимъ достовѣрнымъ опытамъ, корень оныхъ отпрыскиваетъ въ ихъ сердцѣ при самомъ еще ихъ рожденіи: потому и надлежитъ стараться истреблять ихъ заблаговременно по-

посредствомъ разумнаго сопротивленія и посредствомъ чувствованія скорби, благоразумно произведеннаго въ ихъ тѣлѣ, и послѣ возбужденнаго въ ихъ душѣ, когда она придетъ въ состояніе имѣть чувствованія. Сего рода непорядочныя склонности, которыя обнаруживаются еще въ младенческихъ лѣтахъ, и которыя могутъ въ великую притти силу, суть особливо упрямство, гнѣвъ, жадность и любомщеніе.

Рано заготовляютъ дѣтямъ *куколъ*, *грѣмушки*, *и всякія другія игрушки*. Это само по себѣ не достойно охуленія, но не рѣдко бываютъ малоосторожны въ томъ, что утѣшая или увеселяя дѣтей, и забавляя самихъ себя, видя обнаруживанія дѣтскихъ ихъ склонностей посредствомъ чувственныхъ знаковъ, часто возбуждаютъ въ ихъ сердцѣ непорядочныя движенія. Дитяти даютъ игрушку, по томъ нарочно ее назадъ отнимаютъ; а чрезъ то и научаютъ его не отдавать ее намъ, спрятать и притворяться, будто ее не имѣетъ. Еще научаютъ его стараться отнять то, что ему понравится; а сіе не значитъ ли питать его прихоти и жадность? Когда вы не даете ему въ руки остраго ножа, сколько оно о томъ ни плачетъ; то не должны также давать ему и той игрушки, которую оно хочетъ получить съ плачемъ. Вы утѣшаете

его, когда оно упадетъ, или ушибется, или когда что нибудь у него возмутъ, грозя или ударяя того, кто эту вещь у него взялъ, или игрушку, столъ, землю, или то, обо что оно ушиблось; а чрезъ сіе самое и не побуждаете ли его быть мстительнымъ, и наказывать всякаго, кто только покажется ему досадившимъ? Вы его убираете, рядите, даете смотрѣться въ зеркало, удивляетесь и показываете удовольствіе, когда оно любуется самимъ собою, и радость свою изъявляетъ взглядами и тѣлодвиженіями; сія, по вашему мнѣнію, невинная радость не есть ли въ самомъ дѣлѣ для дитяти побужденіемъ къ тщеславію и самолюбію? Еще не малую часть хорошаго воспитанія составляетъ и то, чтобъ дѣтской вкусъ не портить безобразными игрушками, пестрымъ нарядомъ и унылымъ пѣніемъ, или играніемъ на инструментѣ.

Между недостатками, наиболѣе общими въ обыкновенномъ воспитаніи, и которыхъ попечительные родители тщательно должны избѣгать, щитаются особливо сіи: попускаютъ дѣтямъ долгое время быть въ рукахъ мамокъ или нянекъ, не имѣющихъ ни способности ни добрыхъ нравовъ; думаютъ, что два или три первые года нимало не важны, и представляютъ себѣ, что еще не нужно управлять тогда ихъ склонностями,

ко-

когда они не понимаютъ наставленій или увѣщаній, имъ даваемыхъ. однако они понимаютъ тонъ голоса, видъ лица, угрозы и наказанія имъ дѣлаемыя; и это-то суть средства склонять ихъ по своему желанію. Разумная мать, родственница, или нянька, коимъ ввѣрено сіе начальное воспитаніе, должны имѣть природныя дарованія и особенную способность выдумывать то, что наиболѣе свойственно и прилично младенцу. Привязанность, которую они къ нему имѣютъ, и знаніе своей должности, также заставляютъ ихъ имѣть о его воспитаніи болѣе попеченія, добраго расположенія, пріятства и терпѣнія. Въ такихъ-то рукахъ прилично ему быть съ нѣжнаго своего младенчества! . . . Не представляютъ себѣ того, съ какимъ проницаніемъ дѣти, сколько они еще ни малы, примѣчаютъ недостатки, людей сколь произшедшее отъ того впечатлѣніе бываетъ глубоко и неизгладимо, и сколько побуждаетъ ихъ къ подражанію. Обыкновенно всѣ слѣдуютъ только тому плану воспитанія, по которому сами были воспитаны, не разсуждая о свойствахъ младенца и объ особливыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится его фамилія; слишкомъ много въ разсужденіи сего полагаются на свои познанія, и весьма мало совѣтуются съ людьми опытными; какъ будто родителямъ или дядькамъ стыдно

но принимать совѣты въ столь важномъ дѣ,
лѣ; худо различаютъ маловажныя погрѣшности отъ тѣхъ, которыя, ежели будутъ опускаемы безъ исправленія, могутъ сдѣлаться господствующими привычками. Иногда хотятъ вдругъ истребить душевныя недостатки; иногда принуждаютъ противиться вкоренившимся уже порокамъ; вмѣсто того, чтобъ невинными способами снискивать и усугублять любовь своихъ дѣтей, хотятъ покорить ихъ себѣ страхомъ и наказаніемъ: а чрезъ сіе самое и вперяютъ въ нихъ лишь только болѣе отвращенія къ поступающимъ съ ними такимъ образомъ, и къ приказаніямъ, имъ даваемымъ. Не рѣдко выговариваютъ, грозятъ и даже бьютъ находясь во гнѣвѣ и запальчивости. Мало занимаются обнаруживаніемъ дѣтскихъ способностей и склонностей, и не пріучаютъ ихъ разсуждать и даже о самыхъ своихъ упражненіяхъ, какъ будто они еще не имѣютъ къ тому способности. Наконецъ изъ того, какимъ образомъ поступаютъ съ ними, могутъ они заключить, что изученіе знаній, умѣніе одѣться къ лицу, опрятность и свѣтскіе обороты, почитаютъ за самое существеннѣйшее въ воспитаніи.

Лучшее правило, которому должно слѣдовать въ подаваніи дѣтямъ *первыхъ наставленій*, есть поистиннѣ предлагать имъ оныя подъ видомъ забавы а не задачи, подъ видомъ

домъ игрушки, а не урока; лучше разговорами, отъ случая заимствуемыми, нежели схоластическимъ или систематическимъ образомъ; словомъ, надлежитъ принаравливаться къ ихъ понятію, и наученіе претворять въ безпрерывное питаніе ихъ любопытства. Имянуйте почасту и ясно чувственные предметы, поражающіе зрѣніе ихъ или слухъ. Говорите о нихъ, и описывайте имъ оные словами довольно имъ уже извѣстными: они скоро узнаютъ отчасти и языкъ, и по силѣ природной ихъ склонности къ подражанію, тотчасъ и сами начнутъ говорить онымъ. Можно заблаговременно обучать ихъ всему разговорами, къ которымъ обстоятельства подадутъ случай. А что касается до прямыхъ школьныхъ уроковъ, чтобъ дитя сидя потупляло глаза свои въ книгу и занималось однимъ и тѣмъ же, не нѣсколько минутъ, а цѣлые часы: сіе, кажется, противно понятію и природной дѣтской живости, и производитъ въ нихъ одно только отвращеніе отъ ученія. Не худо буквамъ учить ихъ безъ помощи Азбуки; но представляя имъ оныя намалеванныя, или начерчанныя на игрушкахъ, на картахъ, картинкахъ, на стѣнѣ, или на деревѣ. Послѣ, какъ они такимъ образомъ ихъ узнаютъ, должно показывать имъ оныя и въ книгѣ, но только симъ надлежитъ сперва занимать ихъ

 не

не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Такая для ихъ употребленія книга должна предлагать имъ вопервыхъ названія вещей пріятныхъ, которыя бы состояли не болѣе, какъ изъ двухъ или трехъ слоговъ; по томъ маленькія забавныя рѣченія, предложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ, коихъ бы всякой слогъ былъ съ разстановкою. Послѣ сего слѣдовать будутъ любопытныя повѣсти, небольшія исторіи, басни, письма нравственныя правила, наконецъ начальныя истинны Религіи, которыя бы были соразмѣрны дѣтскому понятію. А дабы сіе наставленіе было для нихъ какъ бы нѣкоторою забавою, до пятаго или шестаго года ихъ возраста, надлежитъ занимать ихъ онымъ только по нѣскольку минутъ, въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, и облегчать сіе какою нибудь забавною выдумкою.

Великая книга *Природы*, представляющая намъ всѣ существа одушевленныя и неодушевленныя, въ оной находящіяся, есть такая книга, которую всего лучше представлять любопытству дитяти, и чрезъ то познакомливать его съ міромъ, въ которомъ всѣ предметы еще для него суть новы, и обогащать его умъ истинными и точными изображеніями. О сколь изобильна Природа въ предметахъ, представляющихъ дитяти пріятное зрѣлище, которые оно съ удовольствіемъ

ствіемъ можетъ наименовывать и впечатлѣвать въ своемъ разумѣ! Для чего столь мало идутъ съ нимъ по той дорогѣ, которую, кажется, назначаетъ оно любопытнымъ своимъ желаніемъ? Земля, небо, сады, поля, не представляютъ ли зрѣнію нашему подлинную картину всѣхъ нашихъ познаній, всему научающую и всегда увеселяющую? Младой питомецъ, весело провождаемой разумнымъ наставникомъ отъ одного предмета къ другому, какъ бы за руку ведомой, можетъ уже постигать оные. Онъ увеселяетъ свои глаза, обогащаетъ память и занимаетъ свое воображеніе. Любопытствуя познать все его окружающее, все, чему онъ столь охотно научается, можетъ онъ посредствомъ вопросовъ образовать свой разумъ.

Произведенія художества дополняютъ то, что дитя не всегда можетъ созерцать дѣла Природы, и должны составлять другой предметъ наставленія. Съ какимъ удовольствіемъ дѣти занимаются разсматриваніемъ картинъ, чертежей и медалей! Сколь пріятно имъ видѣть тутъ звѣрей, птицъ, рыбъ, цвѣты, древа, домы, людей, что все видѣли они уже въ Природѣ, или подобное оному! Хорошо мало помалу пріучать ихъ разсказывать то, что они видѣли, или чему научились, и помогать имъ изъясняться

 вра-

вразумительнымъ образомъ. Съ пятаго или шестаго года надлежитъ начинать упражнять ихъ вниманіе и размышленіе, дабы заблаговременно пріучить ихъ дѣлать справедливыя понятія и здраво судить обо всемъ, или въ обыкновенныхъ домашнихъ вещахъ, или въ простыхъ Геометрическихъ начертаніяхъ, и стараться вопросами, имъ удобопонятными, и сравненіями между собою фигуръ, давать имъ узнавать подобіе или несходство, и изъяснять сіе словами. Можно заставлять ихъ чертить, хотя и не гладко, сіи Геометрическія фигуры, дабы чрезъ то лучше они ихъ поняли; и для того не худо врѣзывать ихъ въ дерево, или нарочно приказать художнику оныя сдѣлать. Небольшія деревянныя плашки, сдѣланныя какъ бы для порядочнагостроенія, и которыя дѣти могутъ слагать или разбирать по своему соизволенію, подадутъ имъ въ игрѣ понятіе о разныхъ частяхъ Архитектуры. Также и карты Географическія будутъ для нихъ пріятнымъ и умнымъ упражненіемъ. Когда они узнаютъ изъ нихъ одну по раздѣленію различныхъ провинцій, то можно искусно ее разрѣжать, а они вмѣсто забавы пусть перемѣшанныя между собою провинціи складываютъ порядочно вмѣстѣ, такъ какъ онѣ находятся въ своемъ существѣ; чрезъ что и удобнѣе впечатлѣется

ется взаимное оныхъ положенiе. Сперва должно помогать имъ въ семъ дѣлѣ, или также давать имъ для образца цѣлую карту. Сiя игра, съ помощiю какого нибудь учителя, также можетъ упражнять ихъ въ размышленiи безъ усталости. Изъ Типографическаго съ литерами ящика, которой должно для нихъ приготовить, могутъ они брать литеры, составлять слоги, слова и краткiя рѣченiя, что будетъ также изряднымъ упражненiемъ для возбужденiя ихъ вниманiя и утвержденiя ихъ памяти. Какъ скоро будутъ они умѣть писать, то можно заставлять ихъ держать дневной и недѣльной журналъ, въ которомъ бы записывали небольшое свое знанiе. Ежели нужно будетъ научить ихъ какому нибудь древнему языку подъ руководствомъ добраго учителя, то самой лучшiй способъ есть учить ихъ оному, такъ какъ природному языку, сперва безъ всякихъ правилъ Грамматическихъ, кромѣ склоненiй и спряженiй, которыя и при начатiи необходимо нужно знать. Снабдивъ память ихъ словами, рѣченiями и избранными какими нибудь стишками, должно уже заставлять ихъ читать и переводить; и упражняя такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, послѣ можно приступить ко краткой Грамматикѣ, и, изъяснивши имъ оную, заставлять ихъ приспособлять къ ея правиламъ и разбирать по онымъ то, что они читаютъ или сочиняютъ.

Въякое *наставленіе, преподаваемое въ примѣрахъ и дѣйствіяхъ*, есть разумно, и слѣдственно приличествуетъ дѣтямъ. Симъ образомъ учитель можетъ заблаговременно вперять въ нихъ основанія Нравственной Философіи, и вразумительнѣйшія правила оной предлагать иногда въ повѣстяхъ остроумно выдуманныхъ, какъ то сдѣлала Г. ле Пренсъ де Бомонтъ; иногда въ басняхъ и маленькихъ повѣстяхъ. Дѣти съ удовольствіемъ читаютъ такого рода книги; а учитель долженъ искусно заставлять ихъ изъяснять свои мысли и чувствованія, въ нихъ отъ того возбуждаемыя, и поправлять оныя, естьли въ томъ будетъ нужда.

Дабы заблаговременно *дѣтское сердце* образовать къ добродѣтельнымъ чувствованіямъ человѣколюбія, сострапанія, благотворенія, благодарности, дружелюбія, смиренія и упованія на Промыслъ, учитель долженъ собирать изъ *Исторіи*, а паче изъ *Библіи* примѣры сихъ добродѣтелей и противныхъ имъ пороковъ; онъ долженъ разсказывать имъ такъ, чтобъ дитяти было то вразумительно и пріятно; онъ долженъ заставлять его читать оныя, судить объ нихъ и дѣлать нѣкоторыя приспособленія; а чрезъ сіе и побудить его утверждать и подражать тому, что находится превосходнаго въ сихъ добродѣтеляхъ, и чувствовать от-

отвращенiе и омерзенiе къ тому, что порокъ имѣетъ въ себѣ гнуснаго. Хочетъ ли онъ, на примѣръ, дать ему почувствовать *смиренiе* Св. *Павла*, то сперва долженъ устремить его вниманiе къ отличному верховенству сего Апостола, къ великому его познанiю Бога, къ вышеестественной власти, по средствомъ которой повелѣвалъ онъ Природѣ, единымъ словомъ цѣлилъ недуги, слѣпымъ давалъ прозрѣнiе и даже воскрешалъ мертвыхъ. По томъ долженъ говорить ему о его ревности къ славѣ Божiей, о любви, которую онъ поведенiемъ своимъ и трудами сказывалъ всѣмъ людямъ; о великодушiи его и терпѣнiи въ бѣдахъ, гоненiяхъ, поношенiяхъ и озлобленiяхъ. Послѣ покажетъ онъ ему, сколько былъ онъ некорыстолюбивъ, и что лучше хотѣлъ, работая своими руками, снискивать пропитанiе себѣ и своимъ сотрудникамъ, нежели требовать онаго отъ церквей которыя онъ основалъ, и которыя наставленiями своими болѣе и болѣе утверждалъ въ вѣрѣ. Съ какимъ великодушiемъ противоборствуетъ онъ всѣмъ нещастiямъ и гоненiямъ, лишь бы только исполнить волю Божiю! Его ни мало не трогаютъ ни гладъ, ни изобилiе, ни поношенiе, ни честь, ни темницы, ни узы, ни жизнь, ни смерть, ниже всѣ силы вражiя, но онъ все сiе презираетъ, яко достойной Христiанской Подвижникъ.

И напослѣдокъ скажетъ ему, что сей чрезвычайной человѣкъ, сей Посланникъ Божій, снабденный властію творить чудеса; сей ревностный и красноглаголивый учитель, сей основатель столь многихъ церквей сей благодѣтель цѣлыхъ народовъ, сей, говорю человѣкъ, думаетъ о самомъ себѣ скромно: онъ поставляетъ себя ниже другихъ и всѣхъ людей почитаетъ своими братьями. Вы видите, что онъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ всегда блистаетъ столь горячая его ревность, столь великое благоразуміе, столь неусыпное попеченіе; вы видите, что онъ всю славу воздаетъ единому Богу, Творцу всѣхъ благъ, отъ котораго онъ получилъ и хотѣніе и исполненіе. Сей толь великой примѣръ смиренія не сдѣлаетъ ли сильнаго впечатлѣнія въ его сердце, а особливо когда онъ представленъ будетъ молодымъ людямъ во всемъ своемъ пространствѣ и силѣ, понятнымъ для нихъ образомъ? Сердце дитяти не чувствуетъ ли, что свойство человѣка столь скромнаго и столь смиреннаго имѣетъ въ себѣ много почтеннаго, привлекающаго къ себѣ любовь другихъ, и снискивающаго всеобщее уваженіе и довѣренность? Не найдетъ ли оно яснѣйшаго доказательства сей истинны въ одномъ обстоятельствѣ жизни сего Апостола, описанія котораго не можно читать, не

ощу-

ощутивъ особеныхъ возвышенныхъ чувствованій. *Провождаху Павла, собравшеся съ женами и дѣтьми даже до корабля. Многъ же бысть плачь всѣмъ, и нападше на выю его лобызаху его.* Дѣян. гл. 20 ст. 37, 38.

Да и всѣ Святые, представленные намъ въ примѣръ въ Св. Писаніи, отличились смиреніемъ: они также показали любовь къ Богу и ко всѣмъ людямъ, весьма достойную нашего подражанія. И сіе то надлежитъ представлять предъ очи молодаго питомца, котораго хотятъ образовать къ добродѣтели, и чувствованіе оной влить въ его сердце.

Должно, чтобы и онъ ощущалъ въ себѣ желаніе быть также исполненымъ любви, благотворительнымъ, вѣрнымъ, справедливымъ и весьма склоннымъ любить всякаго человѣка. По примѣрамъ сихъ добродѣтелей долженъ онъ стараться узнавать главные оныхъ признаки; сердцу его надлежитъ дать почувствовать, что Іовъ, помогая бѣднымъ, или, какъ говоритъ Писаніе: *Бывъ око слѣпымъ, нога хромымъ и отецъ неимущимъ*, сдѣлался славнымъ болѣе чрезъ сіе, нежели множествомъ стадъ и слугъ, и избыткомъ имѣнія; что онъ посреди горестныхъ страданій, будучи огорчаемъ и осмѣяваемъ своими друзьями, и лежа во гноищѣ былъ гораздо щастливѣе по своему благочестію и повиновенію воли Божіей, нежели какимъ

кимъ бы онъ былъ на Престолѣ, будучи окруженъ ласкателями и всею славою міра, но притомъ преданъ мученіямъ порочной совѣсти, и ужасамъ рабскаго страха, которой въ дѣлѣ Божіемъ въ разсужденіи его показывалъ бы ему однѣ только наказанія за его беззаконія. И дитя можетъ уже сіе чувствовать; а такимъ заблаговременнымъ чувствованіемъ добра, на подобіе молодаго орла, котораго блескъ и теплота солнца возбуждаютъ подыматься къ оному, и будетъ побуждаемо достигать высочайшей добродѣтели. Почему да представляютъ уму молодаго питомца, образомъ, могущимъ *живѣе его поразить*, сіи примѣры человѣколюбія, почтенія и преданности Богу, которыхъ довольно находится во многихъ мѣстахъ Св. Писанія; да доставляютъ, вспомоществуя ему, его размышленію удовольствіе мыслить и вникать въ вещи самому; и такими разсужденіями да приводятъ его къ тому, чтобы онъ самъ открывалъ смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія, которыя лучше другихъ и научительнѣе; а отъ сего и получитъ онъ справедливыя понятія о добродѣтели, и болѣе почувствуетъ онъ къ ней привязанности, нежели отъ сухихъ и скучныхъ наставленій. Примѣръ Авраама, которой изъ повиновенія къ Богу готовъ принести на жертву единороднаго своего

его сына, удобнѣе дастъ ему понять свойство вѣры и любви къ Богу, которыя довольно сильны къ восторжествованію надъ нѣжнѣйшими естественными чувствованіями къ единородному сыну, нежели простое сухое нравоученіе, которое не можетъ дать ему справедливаго о семъ и живаго понятія. Какое изображеніе уничиженія и благодарности можетъ быть поразительнѣе сего исповѣданія, учиненнаго однимъ Патріархомъ: *Не достоинъ есмь любви и милости Твоея Господи! юже явилъ еси на мнѣ рабѣ Твоемъ.*

Всѣ чудеса сотворенныя для Религіи, суть изображенія совершенствъ Божіихъ; онѣ, такъ какъ и дѣло Природы, имѣютъ на себѣ начертаніе Божества. Младой гражданинъ міра долженъ изъ нихъ научаться познавать Творца своего, Его промыслъ, и въ тожъ самое время быть поражаемъ чувствованіемъ Его благости и святости. Вся *жизнь Божественнаго нашего Спасителя*; Его страданія, Его смерть, Его воскресеніе и вознесеніе что другое есть, когда не исторія неба и земли, Божества и человѣчества, представленная предъ очи наши? Чему она научаетъ насъ, когда предлагаема бываетъ во всей своей ясности? она несравненно лучше, нежели Философія и вся глубокость разума, научаетъ насъ познавать

совершенства всевысочайшаго Существа, Его святость и нѣжную любовь; и въ лицѣ Спасителя она представляетъ намъ совершеннѣйшій и достойнѣйшій подражанія образъ повиновенія Богу, любви ко грѣшникамъ, смиренія, отверженія самаго себя, великодушія во всѣхъ страданіяхъ и гоненіяхъ, понесенныхъ съ совершенною невинностію и продолжавшихся даже до самой поносной смерти. Сія Исторія, предложенная въ таковъ привлекательномъ и трогательномъ видѣ, и образомъ, могущимъ возбудить вниманіе и чувствованіе, сдѣлаетъ въ сердцѣ и въ умѣ молодаго питомца самое глубокое впечатлѣніе; вы увидите его тронута симъ даже до слезъ, предавшагося чувствованіямъ почтенія, любви и повиновенія, которыя онъ признаетъ за долгъ свой оказывать своему Богу и Спасителю. Но часто вмѣсто того, чтобъ при первомъ наставленіи въ Религіи поступать по сему способу, заставляютъ насъ выучивать наизусть члены вѣры, о коихъ мы никакого еще тогда не имѣемъ понятія, и произносить слова, коихъ одинъ только звукъ понимаемъ, и которыхъ смыслъ есть для насъ самая мрачность. Сухими и скучными изъясненіями какой нибудь Статьи ученія, и отягощая нашу память изученіемъ Катихизиса, превышающаго наше понятіе, не вдыхаютъ ли въ насъ по-

почасту еще во младенчествѣ отвращеніе къ Религіи, которая всего способнѣе тронуть наше сердце и пронзить его любовію къ Богу? Не знаю, едва ли отвращеніе отъ истинъ и должностей Религіи большею частію не произошло отъ того злополучнаго способа, которымъ въ дѣтствѣ нашемъ вперяютъ въ насъ оныя. Тѣ, которые пожелаютъ узнать, какимъ образомъ надлежитъ подавать первыя понятія о Богѣ и о Религіи, да посовѣтуются въ разсужденіи сего со *Зрителемъ Сѣвера* (Spectateur du Nord). А чтобы предложенной нами теперь способъ наставленія былъ дѣйствительнѣе, то можно брать въ помощь хорошія картинки и эстампы, представляющія въ изрядномъ видѣ достопамятнѣйшія дѣянія Священной Исторіи. Таковыя изданы Ф. Андреемъ Киліаномъ Авебургскимъ, и притомъ еще продаются очень недорогою цѣною.

Учитель къ таковымъ примѣрамъ Св. Писанія можетъ присоединять примѣры и изъ Свѣтской Древней Исторіи. Но надлежитъ великую имѣть осторожность, чтобъ дѣти не сливали добродѣтель, произходящую единственно отъ разума, и притомъ фанатистическаго или суевѣрнаго, съ такою, которая есть плодъ Религіи; исполненіе должности, произходящее отъ природнаго сложенія или тщеславія, съ такимъ, которое

имѣетъ свое начало въ душѣ, просвѣщенной свѣтомъ вышеестественнымъ, и въ сердцѣ, посвященномъ Богу; чтобъ они мудрость и честность *Сократа* и *Аристида* не ровняли просвѣщенію и благочестію *Давида* и Св. *Павла*; и чтобъ они также не представляли себѣ, якобы нѣкоторыя славныя дѣла составляли свойство человѣка добродѣтельнаго. Употребляя съ сею предосторожностію примѣры славныхъ Мужей древности, можно по справедливости выдавать ихъ за учителей въ исполненіи добродѣтелей гражданскихъ, и возбуждать въ сердцѣ молодыхъ людей благородное желаніе имъ уподобляться. Но естьли не будутъ вмѣшивать въ оныя нѣкоторыхъ размышленій, то жизнь разумнаго язычника представлять будетъ имъ одно только темное и невѣрное изображеніе добродѣтели.

Подробности *привaтной жизни разумнаго и добродѣтельнаго человѣка*, неоспоримо научаютъ дѣтей болѣе, нежели славныя обстоятельства жизни великихъ Мужей. И такъ должно собирать такого рода записки, сочиненныя и написанныя со вкусомъ, касательно до жизни обоего пола особъ и всякаго состоянія людей, заслуживающихъ быть приводимыми въ примѣръ. Внимательно читая оныя съ своими питомцами, можно тогдажъ доставлять имъ пищу для ихъ чувствованій и вкуса, и удовлетворять склонности ихъ къ

чте-

чтенію. Ежели въ фамиліи дитяти находятся отъ записки его предковъ и славные примѣры, или естьли учитель его можетъ доставить ему записки какихъ либо ему знакомыхъ: то онѣ тѣмъ болѣе будутъ привлекать и трогать его питомца, чемъ ближе будутъ онѣ его касаться. Вообще, въ хорошее воспитаніе должны быть вмѣшиваемы *ежедневные примѣры* отца и матери, сродниковъ, учителя, слугъ и сотоварищей дитяти, и изъ оныхъ давать ему нравственныя правила, болѣе его поражать могущія. Извѣстно, что большая часть добродѣтелей Китайцовъ, которыхъ въ наши дни столь много уважаютъ, произходитъ отъ воспитанія, даваемаго ихъ дѣтямъ, и отъ порядка, наблюдаемаго въ ихъ домахъ, а паче отъ того, что они дѣтей своихъ наставляютъ не столько правилами и началами, но болѣе приводя примѣры мертвыхъ и живыхъ, которые жили и живутъ добродѣтельно. Каждой отецъ или мать въ семьѣ, и каждой старшій сынъ въ домѣ, законами Земли обязанъ въ поведеніи своемъ давать примѣры всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей; а въ противномъ случаѣ подпадетъ жесточайшему наказанію. Всѣ дѣти должны почитать сіи примѣры почти такъ, какъ Божественные, и оказывать своему отцу, матери и старшимъ сродникамъ безпредѣльную и даже излишнюю привязанность. Ихъ Императоръ, почитаемый отъ нихъ за сы-

сына Небеснаго, есть по превосходству образъ добродѣтели; его поведеніе, когда только поступаетъ онъ по законамъ Земли, бываетъ записною книжкою добродѣтели и и Небесныхъ повелѣній, которую весь народъ долженъ имѣть предъ своими очами. Какія бы погрѣшности Китайцы ни дѣлали въ употребленіи сего средства, но мы въ ономъ средствѣ и полезныхъ его слѣдствіяхъ находимъ довольное доказательство благоразумія тѣхъ, которые производятъ его въ дѣйство, и доказательство силы примѣровъ въ дѣлѣ воспитанія.

О Воспитаніи, которое надлежитъ давать молодымъ людямъ, вышедшимъ изъ младенчества.

Предъидущій Членъ имѣлъ предметомъ должность, хорошимъ воспитаніемъ образовать разумъ и сердце дѣтей въ первыхъ лѣтахъ ихъ жизни; а чтобъ не лишиться должнаго отъ того плода, надлежитъ въ слѣдующія лѣта тѣмъ большее прилагать о семъ стараніе, чемъ болѣе обнаруживаются ихъ способности, по мѣрѣ, какъ они возрастаютъ.

Чтобъ болѣе разширить познанія дитяти, начинающаго уже размышлять, должно приводить его къ изученію Природы и къ созерцанію ея чудесъ, которыя умъ его весьма

ма удобно можетъ уже постигать на десятомъ или двѣнатцатомъ году его возраста. Учитель его долженъ дать ему понятіе о системѣ міра, показать число, теченіе и безмѣрную величину небесныхъ тѣлъ, солнца и планетъ, и ужасно великое одной отъ другой разстояніе; подавать ему понятіе о касающемся до нашего шара, о соотношеніи его съ солнцемъ, о благотворительномъ вліяніи сего свѣтила, о свойствѣ воздуха и воды, о періодическомъ обращеніи временъ года и дней, и повсюду доставлять ему случай удивляться могуществу, премудрости и благости Творца Природы, въ которой усматривается столько красоты, порядка, великолѣпія и пользы. Нѣтъ недостатка въ руководителяхъ и въ разсужденіи сего ученія: *Дергамъ*, *Гервей*, *Плюшъ*, *Шульцеръ* и другіе многіе, могутъ служить изряднымъ руководствомъ учителю. Да и занимая питомца своего разсматриваніемъ хотя одной только земли, многоразличныхъ ея богатствъ, человѣка и удивительнаго строенія его тѣла, то и тутъ откроетъ онъ ему неизчерпаемый источникъ наставленій и разумныхъ разсуждеий, познаній сколько пріятныхъ, столько и полезныхъ. Но не довольно занимать онымъ только его память и умъ; онъ отъ сего не дѣлается лучшимъ: а должно, чтобъ первыя впечатлѣнія зрѣлища Природы

 были

были въ тожъ самое время и чувствованіями Религіи и удовольствія духовнаго; и я не знаю, едва ли не учители большею частію бываютъ причиною того, что сіи чувствія часто потушаются.

Разумной учитель для сего самаго намѣренія проходитъ съ питомцомъ своимъ *обширнѣйщее поле Всеобщей Исторіи*; онъ ведетъ его по стезямъ, проложеннымъ *Боссюэтомъ* или другимъ такимъ же разумнымъ человѣкомъ. Да и что есть Исторія, взятая съ нравственной стороны, естьли не сокращенное описаніе человѣка, его знаній и его заблужденій, его добродѣтелей и его пороковъ, его успѣховъ и его неудачь? Она не есть ли изъясненіе намѣреній Провидѣнія, и показаніе Его столь видимаго втеченія въ жребій цѣлыхъ народовъ и каждаго въ частности человѣка? Острый разумъ посредствомъ Исторіи всего лучше можетъ узнать, сколь мало всѣ древніе Мудрецы, изъ коихъ нѣкоторые были и самые великіе и знаменитые люди, споспѣшествовали къ содѣланію людей лучшими; потому что премудрость ихъ не была основана на страхѣ Божіемъ; потому что сколько правила ихъ превосходны ни были, были однакожъ не дѣйствительны, лишены всѣхъ побужденій, произходящихъ отъ наказаній и награжденій, которыя благость и святость Божія преоста-

оставила для другой жизни. Они, имѣя, просвѣщенной разумъ, не знали средства употреблять его противъ нападенiй, столь часто дѣлаемыхъ чувствами и страстями; по тому что они д бродѣтель сколько ни хвалили, но не были въ состоянiи сообщить сердцу расположенiе и силу, любить и дѣлать добро, и у порока отнять тѣ сильныя прелести, которыя даютъ ему столько власти надъ испорченнымъ нашимъ естествомъ; и также потому, что съ какимъ усилiемъ они ни обвиняли наглыя его стремленiя, но никогда не нападали на него въ его источникѣ и произхожденiи, то есть, на тайныя и безпорядочныя сердечныя пожеланiя. Сколь должно быть удобно показать превосходство, высокость и божественность премудрости, заключающейся въ Христiанской Религiи, сравнивая ее съ премудростiю разума, и справедливо снося ихъ между собою при чтенiи Исторiи! Сколь она способна глубже впечатлѣвать въ сердце понятiе о Промыслѣ, награждающемъ и наказывающемъ, посредствомъ всѣхъ опытовъ, представленныхъ ею нашимъ очамъ! и съ какою ясностiю порокъ, остающiйся иногда безъ наказанiя, и добродѣтель безъ награжденiя, показываютъ другое смотрѣнiе, отличное отъ сего видимаго, и въ которомъ Богъ комуждо воздастъ по дѣломъ его!

По мѣрѣ, какъ разширяются познанія дитяти, должно также и постепенное наставленіе въ Религіи имѣть большее пространство. *Сорснь*, *Остервальдъ*, *Вернетъ* и другіе въ Катехизисахъ своихъ, или наставленіяхъ смотрѣли на сію постепенность, которую должно наблюдать въ разсужденіи дѣтей; и тотъ, на коемъ лежитъ должность ихъ наставлять, долженъ разсуждать, какой способъ употреблять ему въ наученіи ихъ Закону, смотря по степени понятія, имъ въ нихъ примѣченной. Онъ долженъ безпрестанно помнить, что надлежитъ наставлять юношество основательнымъ, но и вразумительнымъ образомъ; по методу (съ порядкомъ), а не по системѣ, въ которой матеріи бываютъ предлагаемы сухо и отвлеченно. Мы безъ сомнѣнія должны стараться имѣть понятія здравыя и чистыя о истиннахъ и должностяхъ вѣры. Но какая главная сего причина? для того, дабы мы, почитая Религію произшедшею отъ Бога, любили ее, во всемъ ей подвергались, и признавали ее за величайшее благодѣяніе, каковое токмо Богъ можетъ низпослать людямъ, и за единственной путь къ истинному благополучію. И такъ хорошо ли и прилично ли бы было, естьли бы сія столь спасительная Наука была намъ преподаваема темнымъ и неудобопонятнымъ образомъ?

Стихо-

Стихотворство [Поэзія] имѣетъ въ себѣ нѣчто особенно привлекательное для юношества; и потому учитель молодаго человѣка долженъ заблаговременно производить въ дѣйство сію склонность, и оную привлекательность Поэзіи употреблять къ усовершенствованію его сердца. Онъ долженъ познакомить его съ лучшими мѣстами Стихотворцевъ, въ которыхъ они изражали благородныя чувствованія и великія начала. Начиная отъ басней и небольшихъ повѣстей, надлежитъ доводить его до Поэмъ, и краткими примѣчаніями давать ему чувствовать красоты какого нибудь мѣста, или цѣлаго отрывка. Онъ, многократно прочитывая съ нимъ лучшія мѣлкія стихотворенія, нечувствительно дастъ ему выучать оныя наизусть. Естьли онъ знаетъ одинъ только природной языкъ, то и на нашемъ языкѣ писавшіе хорошіе Стихотворцы снабдятъ довольно, чемъ занимать съ удовольствіемъ и пользою молодое его сердце. Да и какъ сему не быть полезнымъ и пріятнымъ для него упражненіемъ на девятомъ или десятомъ году его возраста, а паче при руководствѣ учителя, которой бы заставлялъ его по одному часу въ день читать какого нибудь Стихотворца, присоединяя къ сему чтеніе *Зрителя* (котораго сочиненія находятся въ трехъ томахъ), или другихъ ка-

кихъ Журналовъ, полезныхъ для нравовъ, удобопонятныхъ и хорошо писанныхъ? Съ помощію своего руководителя онъ будетъ такимъ образомъ читать съ пользою для образованія своего вкуса, разширенія своихъ знаній и преуспѣянія въ исполненіи добродѣтели. Справедливо, что молодые люди мало любятъ чтеніе; но сего причиною бываетъ болѣе худой выборъ книгъ, даваемыхъ имъ для чтенія. Жалуются на то, что они читаютъ безъ вниманія и безъ успѣха: но для чего заблаговременно не даютъ имъ почувствовать всѣ выгоды чтенія? для чего съ большимъ раченіемъ не возбуждаютъ въ нихъ чувствованія того, что находится высокаго, красиваго и хорошаго въ Сочинителѣ? Правда, чтеніе само въ себѣ не есть добродѣтель: однакожъ она есть изрядной способъ къ пріобрѣтенію знанія и добродѣтели; и потому за существенную часть хорошаго воспитанія должно почитать то, чтобы молодые люди умѣли читать со вкусомъ и чувствованіемъ. Надлежитъ пріучать ихъ къ трудамъ: но сіе то ли значитъ, что приневоливать ихъ лежать на книгахъ или на письмѣ четыре или пять часовъ въ день, и скрывать отвращеніе, отъ того ими получаемое? Извѣстно, что ни одинъ молодой человѣкъ не будетъ прилѣпляться къ труду, естьли онъ не будетъ доведенъ

до

до того разумомъ и прелестями удовольствія. Чтеніе безъ сомнѣнія есть средство упражнять его въ размышленіи: можно побуждать его сокращенно записывать то, что онъ въ каждой день прочиталъ, присоединяя къ тому краткія разсужденія. Такимъ образомъ составитъ онъ небольшее сокровище познаній, которое собрать хотя и будетъ стоить ему нѣсколько труда, но доставитъ ему также и свои пріятности. Ежели не требуютъ отъ него вниманія, соразмѣрнаго степени его понятія: то чтеніе будетъ для него однимъ пустымъ препровожденіемъ времени, которое ни мало не послужитъ къ открытію его разума. А ежели хотятъ, чтобъ онъ прилѣжалъ единственно для снисканія привычки къ трудамъ, то чрезъ сіе вдохнутъ въ него одно только жалостное отвращеніе отъ чтенія.

Тщаніе *время употреблять въ пользу*, есть драгоцѣнное качество, которому заблаговременно должно научать молодыхъ людей. Надлежитъ, и не давая имъ того примѣтить, доводить ихъ до того, чтобъ они хорошее дѣлали изъ него употребленіе, и пріучать ихъ къ тому, чтобъ они при окончаніи каждаго дня сами себѣ отдавали отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Учитель долженъ стараться нечувствительнымъ образомъ питомцевъ своихъ склонять къ тому, чтобъ

они съ точностію дѣлали сіе розысканіе; и не худо бы было, естьли бы они записывали также свое небреженіе, или точность и исправность въ употребленіи своего времени; и естьли бы они пріобыкли стыдиться, или быть довольными, не имѣя притомъ другихъ свидѣтелей, кромѣ самихъ себя. Разумной учитель можетъ вести ихъ далѣе, ежели, прилагая все свое объ ономъ попеченіе, не будетъ подверженъ своенравію родителей.

Посредствомъ чтенія и писанія, музыки, ариѳметики, рисованья и другихъ тѣлесныхъ упражненій, молодой человѣкъ долженъ образоваться къ *вниманію и прилѣжанію въ трудахъ*. Исправное раздѣленіе его часовъ и точное исполненіе того, что назначено въ оные дѣлать, пріучатъ его къ порядку, которой долженъ онъ будетъ со временемъ наблюдать въ своихъ дѣлахъ; а попеченіе, которое онъ долженъ имѣть о храненіи своихъ книгъ, бумагъ, писемъ и всѣхъ своихъ вещей, и также того, что служитъ ему и забавою, научитъ его мудрому домостроительству. Великое поистиннѣ нещастіе, что въ дѣтствѣ не научаютъ насъ заниматься всегда чемъ нибудь полезнымъ, и всякое дѣло исполнять въ свое время; и весьма худое имѣетъ слѣдствіе для благородныхъ молодыхъ людей то, что весьма часто застав-

ставляютъ другихъ людей дѣлать то, что прилично и должно исполнять имъ самимъ. Для чего столь многіе великіе Господа препоручаютъ попеченіе о весьма многихъ дѣлахъ, частно и особенно ихъ касающихся, неусыпности и вѣрности своихъ подчиненныхъ? Для своего спокойствія и облегченія; а что они любятъ такую прохладу, не произходитъ ли сіе отъ перваго ихъ воспитанія? Какая причина, что они никакой не могутъ сносить трудности, хотя часто оная бываетъ и неразлучна съ ихъ состояніемъ? Что дѣлаетъ ихъ врагами всякаго труда? Надлежитъ только разобрать первыя ихъ лѣта, то и не трудно будетъ найти онаго причину. Отъ чего сіе произходитъ, что сей Вельможа требуетъ, чтобы во всемъ и всегда ему служили. И отъ чего это, что онъ ни коимъ образомъ не можетъ пробыть безъ услуги? Безъ сомнѣнія отъ того, что въ дѣтствѣ не научали его прислуживать самому себѣ, все дѣлать безъ помощи другихъ.

Сія склонность любить всегдашнюю прохладу и безмятежность, есть большое препятствіе къ великимъ добродѣтелямъ, и всякой, кому препоручена должность воспитанія, долженъ стараться предохранять воспитанника своего отъ оной, прилѣпляя его къ трудамъ и побуждая его не щадить ничего, что только можетъ доставлять пользу

ду-

душевнымъ его и тѣлеснымъ способностямъ, здравію и будущему его состоянію. Изнѣживаніе тѣла весьма вредно для души и для упражненій въ добродѣтели; по чему учитель и долженъ съ великимъ раченіемъ предохранять отъ сего своего питомца, котораго онъ долженъ пріобучать, утренніе часы почитать за драгоцѣннѣйшіе, и препятствовать ему долгое время нѣжиться на своей постелѣ и вдаваться въ пагубныя пріятности излишняго сна. Нужно еще съ самаго дѣтства тѣло его укрѣплять упражненіями, съ благоразуміемъ пріобучать его сносить перемѣны погодъ и временъ года, и внушать ему, что вкусной обѣдъ состоитъ не столько въ качествѣ и количествѣ пищи, сколько въ пріятности разговоровъ и обращенія, и что лучшая приправа кушанья есть окончаніе урока и голодъ, возбужденный трудами.

Чрезмѣрное желаніе пріобрѣтать, равно какъ и расточительность, суть двѣ склонности, обыкновенныя въ дѣтствѣ: *бережливость и щедрость* напротивъ суть столь существенныя въ жизни добродѣтели, что, сколько возможно ранѣе, надлежитъ обучать онымъ молодыхъ людей. Подъ управленіемъ учителя да научаются они основаніямъ домостроительства [Экономіи], распоряжая по произволенію малой свой приходъ. Имъ позво-

волительно покупать, но только должно научать ихъ нужное предпочитать пріятному и лучшую вещь хуждшей. Они заблаговременно должны научаться оставлять отъ лакомства на покупку хорошей книжки, или для подаянія милостыни безъ сожаленія и съ удовольствіемъ. Не худо приводить къ нимъ и нарочно неимущихъ бѣдныхъ, къ которымъ они сколько должны быть сострадательны, столькожъ и готовы спомоществовать имъ по своей возможности. Никогда не должно доводить ихъ до того, чтобъ они не имѣли у себя для поданія, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько денежекъ; и когда они подаютъ кусокъ хлѣба алчущему, или напаяютъ и прохлаждаютъ томимаго жаждаю, то должно стараться, чтобъ сіе было увеселеніемъ для нѣжной ихъ души и восхитительнымъ зрѣлищемъ для ихъ очей. Ежели въ нихъ примѣчена будетъ склонность къ расточительности, то должно расположеніе сіе наклонять къ щедрости; и ежели они будутъ давать слишкомъ много и безъ разбору, то берегитесь возвращать имъ то, что они такимъ образомъ истратили. Пускай въ случаѣ, когда у нихъ попросятъ, не чего будетъ имъ дать, и не можно имъ будетъ купить то, что принесло бы имъ великое удовольствіе; пусть иногда будутъ не въ состояніи угостить какого нибудь друга, и наградить

дить стараніе и труды какого нибудь честнаго и вѣрнаго слуги: вы чрезъ сіе пріучите ихъ къ бережливости, заставите любить ее по причинамъ весьма поразительнымъ, такъ что они не будутъ уже почитать ее за нѣчто не совсѣмъ нужное.

Благодарность, расположеніе къ услугамъ, вѣрность и храненіе ввѣренной тайны, суть безъ сомнѣнія такія качества, которыя должно заблаговременно насаждать въ дѣтяхъ, и при всякомъ случаѣ побуждать ихъ къ исполненію оныхъ, показывая имъ, сколь онѣ важны и изящны, и сколько гнусны противныя симъ расположенія. Признательность въ словахъ, которую долженствуютъ они оказывать своему отцу и матери, часто подаетъ имъ дѣтское понятіе объ истинной благодарности. Доставляйте имъ случаи свидѣтельствовать благодарность родственникамъ чрезъ повиновеніе ихъ приказаніямъ, исполненіе которыхъ чего бы нибудь имъ стоило; и старайтесь о томъ, чтобы они любили помнить и малѣйшую услугу, кто бы оную имъ ни оказалъ. Внушайте имъ, что всегда есть случай сдѣлать какую нибудь услугу, и что не рѣдко можно оказывать большую, нежели каковую являютъ даяніемъ денегъ, какъ-то: заступить кого, дать ему полезной и благой совѣтъ, или только изъявить ему свое состраданіе; что об-

образъ обязыванія даетъ, или отнимаетъ у услугъ большую ихъ цѣну; что почтеніе, съ удовольствіемъ отдаваемое другимъ, учтивость, оказываемая людямъ равнаго или нижшаго состоянія, видъ благосклонности, сопровождающій отказъ, которой принуждены бываемъ сдѣлать; выслушиваніе обиженныхъ, просящихъ нашей помощи, или также говорящихъ намъ о томъ, что ихъ интересуетъ: все сіе часто занимаетъ мѣсто услугъ, которыя оказать иначе бываютъ не въ состояніи; и что слѣдовательно не можно не имѣть случая оказывать благодѣянія. Сему-то должно научать дѣтей собственнымъ ихъ опытомъ въ случаяхъ, которые сами встрѣчаются, или нарочно бываютъ сыскиваемы и представляемы.

Не будутъ ли они понимать того, сколь благородно и полезно быть искреннимъ и скромнымъ? Не вкушаютъ ли они уже отъ того удовольствіе въ обращеніи со своими товарищами, сродниками, домашними и учителями? Хорошее ученіе, подкрѣпляемое изрядными примѣрами, удивительное производитъ дѣйствіе въ сердцѣ молодаго человѣка. Отцы и матери не уже ли не захотятъ, хорошо воспитывая своихъ дѣтей сами собою, или употребляя къ тому честныхъ и непорочныхъ людей, поставлять себѣ за долгъ, бывать, сколько возможно, чаще при ихъ

упражненіяхЪ? *ПавелЪ Емилій, АвгустЪ*, упражненіе сіе не почитали для себя низкимЪ; много такихЪ, и еще вышшаго степени, людей, которыя вЪ наши времена почитаютЪ сіе должностію, для себя необходимою.

Для добраго воспитанія необходимо нужно употреблять сЪ мудрою справедливостію *награжденія и наказанія*. Не часто и сЪ великою предосторожностію должно награждать дѣтей чемЪ нибудь такимЪ, что можетЪ льстить ихЪ суетности и чувственности. Будьте скупы вЪ даваніи чего либо сладкаго, игрушекЪ, обновЪ и увольненія на нѣсколько часовЪ отЪ ученія подЪ предлогомЪ ихЪ ободрить: но вЪ награжденіе за ихЪ прилѣжаніе и повиновеніе болѣе давайте имЪ вещи вЪ самомЪ дѣлѣ полезныя: книги, музыкальные и художническіе инструменты, которыхЪ употребленіе и пріятность должны вы имЪ показать. ИзЪ всѣхЪ способовЪ награждать ихЪ, нѣтЪ лучшаго и выгоднѣйшаго, какЪ показывать имЪ вЪ томЪ свое удовольствіе и дружелюбіе. Они заслуженною похвалою не могутЪ не быть побуждены кЪ повиновенію; и притомЪ получаютЪ болѣе охоты и желанія нравиться разумнымЪ людямЪ, надсматривающимЪ за ихЪ поведеніемЪ. ВпрочемЪ должно признаться, что честолюбіе, которымЪ дѣйствуютЪ вЪ ихЪ сердцѣ, и побуждаютЪ ихЪ дѣлать только

хва-

хвалы достойное, есть опасная пружина въ рукахъ многихъ родителей, производящихъ оную въ дѣйство. Безпрестанно повторять дѣтямъ, сколь хорошо превосходить другихъ; все то, что говорятъ добраго о такомъ-то молодомъ человѣкѣ его лѣтъ; какимъ образомъ тотъ-то достигъ до великихъ чиновъ посредствомъ своихъ способностей, а другой своимъ прилѣжаніемъ снискалъ всеобщее почтеніе и великое щастіе; какую славу пріобрѣлъ тотъ-то, или другой кто своими сочиненіями, храбростію или непорочностію: это значитъ вперять въ молодыхъ людей болѣе пристрастія къ славѣ, ко внѣшнему украшенію, къ прохладѣ и забавамъ, нежели къ тому, что само въ себѣ есть честно и хорошо; это значитъ любочестіе и ненависть дѣлаться господствующими и управляющими ихъ душею. Достойно сожалѣнія поведеніе, возбуждаемое и питаемое гордостію, которая, когда и производитъ дѣйствія, имѣющія видъ добродѣтели, бываетъ ни чемъ не лучше сребролюбія, и равно такъ, какъ и оное, есть ядъ для души. Изящность добродѣтели, благоволеніе Небесъ, не подаютъ ли величайшихъ ободреній любящимъ свои должности? Видимъ ли мы, что честь, довѣренность и достоинства всегда шествуютъ по стопамъ добродѣтели такъ, какъ говорятъ намъ о семъ съ великою увѣрительностію въ нашемъ дѣтствѣ?

ствѣ? и когда мы не усматриваемъ ее сопровождаемою симъ великимъ богатствомъ и сею мнимою знатностiю и великостiю, и когда всѣхъ сихъ, толико превозносимыхъ наградъ у насъ доставать не будетъ: то что произойдетъ тогда съ нашею системою добродѣтели? И такъ нѣтъ ли Существа, Мздовоздаятеля и Свидѣтеля всего того, что мы ни дѣлаемъ и ни мыслимъ добраго, на котораго можно бы было устремить свои очи, и на поприщѣ своея должности быть подкрѣпляему побужденiями, большими человѣческихъ? Безъ сомнѣнiя надлежитъ воспламенять въ молодыхъ людяхъ желанiе, все дѣлать благороднѣйшимъ и совершеннѣйшимъ образомъ, быть переимчивыми, трудолюбивыми, искренними, благотворительными, скромными, смиренными, трезвыми, брагодарными, мудрыми и разсудительными. Но вмѣсто того, чтобы побуждать ихъ къ сему изящностiю и пользою, превосходить другихъ и быть предъ ними предпочтенными, должно лучше во всѣхъ ихъ дѣйствiяхъ и склонностяхъ приводить ихъ къ сему вѣчному и непоколебимому правилу, которое предписалъ и посредствомъ разума и Откровенiя объявилъ имъ Всемогущiй Богъ, и которому сообразно поступаютъ тогда, когда стараются сдѣлаться достойными одобренiя Божiя, и заслужить любовь людей благомысленныхъ. Тако-

ковое-то желаніе славы безпрестанно надлежитЪ вЪ нихЪ вдыхать! НадлежитЪ стараться, чтобЪ они не имѣли другаго ревнованія, другаго понятія о чести, какЪ только повиноваться Богу, во всякомЪ случаѣ дѣлать лучшее и никакимЪ препятствіемЪ не быть отЪ того отвлекаемыми. Кто поступаетЪ похвальнно единствено по тому, что онЪ никого не хочетЪ видѣть лучшимЪ себя, благоразумнѣйшимЪ и добродѣтельнѣйшимЪ вЪ своихЪ нравахЪ: такой человѣкЪ добрЪ только по зависти, по самому хуждшему расположенію. онЪ тайно желаетЪ, чтобЪ другіе были не столько добродѣтельны; онЪ сЪ удовольствіемЪ смотритЪ на ихЪ несовершенства, и негодуетЪ, когда они вЪ чемЪ нибудь имѣютЪ предЪ нимЪ преимущество. Какая подлость души! и однако такой образЪ мыслей столько и такЪ часто стараются вкоренить вЪ насЪ вЪ дѣтствѣ нашемЪ, побуждая насЪ славою и ревнованіемЪ. ХотятЪ, чтобы мы были мудры и добродѣтельны изЪ любочестія, то есть, дѣлаютЪ насЪ сперва тщетными и привязанными кЪ тому, что льститЪ нашимЪ чувствамЪ, дабы послѣ сдѣлать насЪ людьми добрыми. Вдыхая вЪ насЪ желаніе превосходить другихЪ, вЪ тожЪ самое время вдыхаютЪ вЪ насЪ презрѣніе кЪ тѣмЪ, которые имѣютЪ меньше нашего совершенствЪ. НаучаютЪ насЪ почитать самихЪ

себя, какъ будто бы можно было опасаться, чтобъ мы не преступили предѣловъ смиренія; и наполняя разумъ нашъ добрыми началами, въ то самое время сердце наше напыщаютъ суетою. Располагая насъ къ наукамъ, художествамъ, знаніямъ, заслугамъ, хотятъ, чтобъ мы предпринимали намѣреніе въ общее когда нибудь притти удивленіе, такъ чтобъ наши способности, наши достоинства и наша слава поражали очи всѣхъ. Чудное предпріятіе! достойное того, чтобъ Богъ поставилъ насъ на театрѣ свѣта и толико украсилъ насъ изящными душевными способностями! Ежели упражненія, снѣдающія большую часть нашей жизни, не стремятся къ добродѣтели, какъ къ главному своему предмету; ежели онѣ не суть дѣйствія образующія насъ къ повиновенію Виновнику нашея жизни; то гдѣ будетъ добродѣтель? Да и въ самомъ дѣлѣ гордой имѣетъ ли какую нибудь добродѣтель, когда гордость не есть добродѣтель? Побуждая молодыхъ людей къ славѣ, дѣлаютъ ихъ только театральными Королками, которые хорошо играютъ свою роль для того, чтобъ зрители всякаго званія хвалили и плескали руками. Дѣлаютъ ихъ только лицемѣрами, искусными обманщиками, которые изъ тщеславія хотятъ быть такими, какими не суть, и казаться желающими быть такими, какими сдѣ-

лать-

латься не могутъ, и часто даже не хотятъ. Они научаются скрывать свои слабости вмѣсто того, чтобъ стараться оныя превозмогать, и утаевать свои погрѣшности вмѣсто того, чтобъ въ оныхъ признаваться и ихъ исправлять. Они берутъ на себя видъ, рѣчь, осанку человѣка обращавшагося, учтиваго и услужливаго, и думая, что они ему совершенно уподобляются, проводятъ другихъ и обманываютъ самихъ себя. Дабы кто нибудь другой не превзошелъ его въ заслугахъ, сей молодой надмѣнной человѣкъ тотчасъ постарается его унизить, приписать ему недостатки, которыхъ онъ совсѣмъ не имѣетъ, выставить наружу, раскрасить и увеличить тѣ, которыя въ самомъ дѣлѣ въ немъ находятся. Такимъ образомъ положитъ онъ первое основанiе того гнуснаго нрава, которой все, что бы ни было похвальнаго, не уважаетъ ни въ комъ другомъ, какъ только въ самомъ себѣ; которой не можетъ съ удовольствiемъ смотрѣть на достоинства другаго, и еще меньше терпѣть оное въ своемъ равномъ или нижшемъ. Таковое свойство согласно ли съ разумомъ? Въсемъ случаѣ разумъ есть печальной путеводитель къ добродѣтели. И естьли бы доброе воспитанiе требовало вдыхать въ молодыхъ людей любочестiе, и приманкою награжденiй побуждать ихъ мыслить и поступать благородно: то бы воспитанiе, внушающее имъ однѣ

 толь-

только низкія чувствованія, было весьма вредно для ихъ сердца; однакожъ гораздо меньшій долженъ произойти отъ сего вредъ для общества, потому что оно не столько обыкновенно, сколько то, какъ-то показываютъ тысячи примѣровъ суетной чести въ фамиліяхъ. Несправедливо думаютъ, что въ одних только великихъ домахъ царствуетъ сей порокъ воспитанія: самая послѣдняя хижина заключаетъ въ себѣ своего рода гордость, которая вскорѣ дѣлается заразительною болѣзнію для всѣхъ дѣтей.

Что касается до наказаній, которыя должно употреблять, кажется довольно того, чтобъ родители и учители всегда помнили то, что они должны наказывать въ своихъ дѣтяхъ, и по чему, чтобы имъ не безъизвѣстно было свойство и степень наказанія, какое наипаче употреблять прилично. Наказываютъ ихъ за погрѣшности, дабы они послѣ оныхъ болѣе не дѣлали. Весьма нужно наказывать порокъ при первомъ его началѣ, прежде нежели онъ къ нещастію укоренится. Одинъ выговоръ, сдѣланной съ нѣкоторою важностію, въ началѣ удобнѣе достигаетъ желаемаго конца, нежели послѣ и самое строжайшее наказаніе. Сего дитя, котораго на десятомъ году его возраста вся ваша строгость не можетъ отучить отъ склонности лгать, отъ упрямства и любо-

мщенія, можно бы было на четвертомъ или пятомъ году, и при первомъ движеніи сихъ страстей, предохранить отъ ихъ насильствія съ гораздо меньшею строгостію, и можетъ быть одними выговорами, ежели бы нерадивая поблажка, или жестокое изнѣживаніе не закрывали у родителей глаза, видѣть въ дѣтяхъ своихъ сіи недостатки.

Великое надлежитъ дѣлать различіе между погрѣшностями, имѣющими начало свое въ сердцѣ, и между погрѣшностями, происходящими отъ поспѣшности и отъ недостатка въ разсужденіи; между тѣмъ, что существенно касается до добрыхъ нравовъ, и тѣмъ, что противно только нѣкоторымъ употребительнымъ благопристойностямъ. Не опускайте безъ вниманія такой погрѣшности, которая показываетъ злое сердце; никогда не прощайте ее, не давъ имъ почувствовать всю гнусность оной. Ежели они не столько еще просвѣщены, чтобъ могли понимать причины и то, что имъ говорятъ, что такое-то, или такое дѣйствіе достойно великаго наказанія: то да научаются сему изъ дѣйствительной казни, которую должно налагать на нихъ, смотря по ихъ возрасту и характеру; можно запирать ихъ и не давать имъ чрезъ нѣсколько времени пищи, а паче не показывать имъ своей любви и благосклонности. Ни нѣжность сложенія, ни

самыя болѣзни не должны быть причиною снисхожденія къ порочнымъ ихъ расположеніямъ; онѣ сильнѣе и хуже болѣзней и суть наиопаснѣйшій родъ оныхъ. Лучше бейте до крови порочныхъ дѣтей за ихъ развратность, и чрезъ то по крайней мѣрѣ показывайте, что вы не любите видѣть ихъ съ возрастомъ дѣлающихся нещастными, которые будутъ причинять и самимъ себѣ и другимъ великое безпокойство, и не возмогутъ избѣгнуть гнѣва Божія. Когда они противятся своимъ родителямъ и учителямъ, и не бываютъ отъ того отвращаемы: то порокъ сей, наиопаснѣйшій по своимъ слѣдствіямъ, будетъ показываться въ нихъ во всѣхъ состояніяхъ, въ какомъ они послѣ ни будутъ находиться. Возмутители противъ своихъ вышнихъ, противу Государя, противъ самаго Бога, они будутъ попирать ногами законы порядка какъ будучи дѣтьми, такъ и мужами; и на щетъ своей чести, и даже съ опасностію своей жизни будутъ они стараться освободиться отъ всѣхъ препятствій, встрѣчающихся бѣшенству и неистовству ихъ страстей.

Паче всего надлежитъ опасаться, чтобъ не наказывать дѣтей во гнѣвѣ и запальчивости. Прежде успокойтесь и придите въ самихъ себя; по томъ дайте имъ понять, что вы наказываете ихъ по одной только

ва-

вашей къ нимъ любви и привязанности; и никогда не склоняйтесь прощать ихъ за чье либо предстательство, когда дѣло ихъ о исправленiи ихъ въ нѣжнѣйшемъ ихъ дѣтствѣ, и о погрѣшностяхъ, въ которыя входитъ злость. Заблаговременно выдуманной обманъ, которому нерѣдко по глупости удивляются, яко опыту малаго ихъ разума, долженъ наказываемъ быть весьма строго, и притомъ тогдажъ, когда только будетъ онъ сдѣланъ. Часто наказываютъ съ суровостiю и безпрестанно бранятъ дѣтей за погрѣшности противъ наружной благопристойности; а между тѣмъ опускаютъ безъ всего тонкую ложь, хотя сiе и достойно жестокаго наказанiя; незнанiежъ, какъ хорошо поступить, заслуживаетъ малой только и легкой выговоръ. И такимъ образомъ прiучаютъ дѣтей мыслить и чувствовать какъ ложнымъ, такъ и пагубнымъ образомъ, какъ-то стыдиться (краснѣть) не кстати: малыя погрѣшности будутъ ихъ устрашать, а истинное худо и зло мало или и совсѣмъ ничего не будетъ ихъ трогать. Сiя естественная стыдливость, оберегательница добродѣтели, оказывается только при бездѣлицахъ, при томъ, что относится только ко внѣшности, а не служитъ къ истребленiю порочныхъ наклонностей и дѣйствiй. По сему-то мы и видимъ многихъ дѣтей, у ко-

которыхъ краска выходитъ на лице, когда они по неосторожности за столомъ что нибудь сдѣлаютъ худое, или которыя трепещатъ отъ страха и трясутся, увидя малѣйшее пятно на своемъ платьѣ, но которыя дерзаютъ лгать безъ всякаго зазрѣнія, ложь свою подтверждать клятвою, съ хладнокровіемъ мучить бѣднаго звѣрка, ругаться не краснѣясь надъ немощнымъ, и бранить самыми язвительными словами честнаго слугу. И такъ со тщаніемъ различайте свойство погрѣшностей; а дѣти да стыдятся и страшатся, только имѣя довольныя къ тому причины. Всегда, когда только своимъ нерадѣніемъ, или худыми примѣрами, или несоразмѣрнымъ наказаніемъ худо управляете вы, или ослабляете въ нихъ сіе удивительное природное расположеніе, заставляющее ихъ краснѣть отъ того, что кажется имъ порочнымъ, поступаете противно истиннымъ ихъ и великимъ выгодамъ, и слѣдственно противъ правилъ добраго воспитанія. Одно изъ разумнѣйшихъ правилъ есть, какъ изражали его древніе, безъ сомнѣнія то, что *должно почитать дѣтей*. А чтобы вамъ сохранить оное, чтобы съ дѣтьми поступать со всякою осторожностію и почтеніемъ, то слова ваши, дѣла и даже малѣйшія движенія въ присутствіи ихъ да будутъ столь же хороши и порядочны, какъ буд-

будто бы съ вами находился человѣкъ разумнѣйшій и знаменитѣйшій.

Воспитаніе, съ таковымъ попеченіемъ даваемое дѣтямъ до того времени, когда они долженствуютъ вступить въ большой свѣтъ, и когда они, смотря по природнымъ своимъ расположеніямъ и по обстоятельствамъ своего щастія и породы, будутъ находиться въ состояніи вступить въ какой нибудь родъ жизни: воспитаніе, столь рачительно исполненное, не можетъ не основать для нихъ твердаго щастія во всю ихъ жизнь. Они чрезъ сіе не только сдѣлаются способны къ различнымъ должностямъ, но также и благополучны безъ отношенія ко внѣшнимъ обстоятельствамъ; сердце ихъ будетъ имѣть благороднѣйшія чувствованія; они всегда будутъ готовы, и ежели можно такъ сказать, спѣлы къ вѣчности. Должно признаться, что точно во всемъ такое воспитаніе можно давать только въ великихъ домахъ, и оно требуетъ нѣкоторыхъ выгодныхъ и хорошихъ обстоятельствъ. Но да не устрашаетъ насъ сіе. Не видимъ ли мы, что въ обыкновенныхъ посредственныхъ состояніяхъ юныя дѣвицы подъ присмотромъ матери, неимѣющей ничего, кромѣ здраваго разсудка и добраго сердца, и мальчики подъ руководствомъ отца неученаго и непросвѣщеннаго, но умнаго, опытнаго и добродѣтель-

тельнаго, получаютъ благоразумнѣйшее и лучшее воспитаніе, нежели каковое дается въ такихъ домахъ, гдѣ оно кажется лучшимъ и достаточнѣйшимъ. Безъ сомнѣнія сею выгодою одолжены болѣе дѣйствію добрыхъ примѣровъ, природнымъ дарованіямъ дѣтей и благословенію бога, споспѣшествующаго неусыпному старанію отцовъ и матерей, воспитывающихъ ихъ въ Его страхѣ. Родители, научающіе дѣтей своими добрыми чувствованіями и ежедневнымъ своимъ примѣромъ, справедливо мыслить и хорошо жить, научаютъ ихъ самымъ краснорѣчивѣйшимъ, и могущимъ сильное сдѣлать впечатлѣніе, образомъ; они снискиваютъ почтенную важность, которая наставляетъ даже и молчаніемъ, и побуждаетъ и въ ихъ отсутствіи. Они пріобрѣтаютъ любовь своихъ дѣтей, что есть наисильнѣйшимъ побужденіемъ къ повиновенію. Таковые отцы и матери имѣютъ еще такую любовь къ своей фамиліи и привязанность къ своимъ должностямъ, которая дѣлаетъ ихъ прозорливыми во многихъ такихъ случаяхъ, въ которыхъ другіе бываютъ меньше проницательны; и ихъ усердіе и благоговѣніе къ Богу заставляетъ прилагать бдѣніе столь же строгое и неусыпное, сколь оно у другихъ слабо и не твердо. Отъ сего-то произходитъ, что они, имѣя только умъ и доброе сердце, столь успѣшно

но воспитываютъ своихъ дѣтей. Видимъ мы изъ нихъ и такихъ, которые находясь въ низкомъ состоянiи, дѣлаютъ однакожъ дѣтей своихъ полезными гражданами и просвѣщенными Христiанами. Ибо человѣкъ, не имѣющiй никакихъ изящныхъ знанiй, препровождающiй жизнь свою во мракѣ и незнаемый въ свѣтѣ; естьли такой человѣкъ узналъ путь, по которому долженъ онъ шествовать для полученiя спасенiя, и Того, Кто проложилъ ему сей путь, и Кто низпосылаетъ ему прощенiе во грѣхахъ и спокойствiе его совѣсти; естьли онъ, будучи просвѣщенъ Вѣрою, умѣетъ любить Бога паче всего, а ближняго своего какъ самаго себя; и естьли онъ сообразно симъ должностямъ жилъ и проходитъ свое званiе: то не имѣетъ ли онъ чемъ себя утѣшить? Когда онъ знаетъ все то, что долженъ онъ знать, для чего человѣкъ живетъ на земли: то можетъ достигнуть вѣчнаго блаженства.

Да почитаемъ убо себя щастливыми, естьли получили мы доброе воспитанiе; но да помышляемъ также и о томъ, что мы безконечно будемъ виновны, естьли не будемъ дѣлать участниками онаго тѣхъ, которые должны будутъ намъ жизнiю, или которые препоручены будутъ нашему смотрѣнiю. И ежели воспитанiе есть существенная должность родителей: то да просятъ

сятъ съ уничиженіемъ благословенія Небеснаго, не полагаясь на собственныя свои способности и знанія. Возможно ли, чтобы Богъ отрекся вспомоществовать трудамъ, предпринимаемымъ въ намѣреніи устроить къ добродѣтели души, которыя Онъ сотворилъ способными къ принятію оныя? Наконецъ естьли воспитаніе есть наивеличайшее благо для дѣтей, то не должны ли они принимать его съ такимъ тщаніемъ, которое бы доказывало, что они чувствуютъ онаго цѣну, и стараться, чтобы сѣмена добродѣтели, заблаговременно посѣянныя въ ихъ душѣ, не были заглушены терніемъ ложныхъ мнѣній, злыхъ пожеланій и вредныхъ сообществъ? — Юныя дѣти! къ которымъ я наипаче обращаюсь; послушайте сего: *Бояйся Господа почтитъ отца, и яко Владыкамъ послужитъ родившимъ его. Дѣломъ и словомъ чти отца твоего и матерь, да найдетъ ти благословеніе отъ нихъ. Любяй наказаніе любитъ чувство, ненавидяй же обличенія безуменъ. Отецъ праведнаго* (человѣка добраго) *весьма возвеселится; и родившій мудраго пріиметъ радость. Отецъ твой и мати твоя да возрадуются, и воспитавшая тя да возвеселится: благословеніе бо отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же матерняя искореняетъ до основанія.*

Гос. Публичная Библиотека

СН-60-226
5

Вп-60-1582
20

1-20

ГПБ Русский фонд
137
1186